

I

Интерес к вопросам лингвистики является в данный момент всеобщим в Западной Европе и отчасти в России. Уже в период империалистической войны стали появляться ценные монографии лингвистического характера, и притом затрагивающие вопросы общего социологического значения, игнорировать которые не имеет права ни один из представителей — исследователей общественной жизни. С окончанием войны поток работ лингвистического характера становится весьма значительным. Каждая страна, каждый народ обратился к изучению своего языка, его прошлого и настоящего, как фактору национально-культурному, как источнику творчества своей национальной культуры. Возрождение национального принципа в международной политике эпохи ликвидации империалистической войны, пробуждение к жизни еще не живших своей национально-культурно-политической жизнью народов было мощным толчком для расцвета лингвистического знания в интернациональном масштабе. И характер этого интернационального лингвистического движения одинаков во всех культурных уголках Европы и Америки.

Такой расцвет лингвистики и новая постановка вопросов общего культурного характера при свете данных языка отнюдь не является неожиданностью. Наоборот, это научное первостепенной важности движение тесно связано с расцветом лингвистических знаний в конце прошлого века и начале нынешнего столетия. Этот расцвет подготовил почву для современного интернационального лингвистического возрождения и движения. Лингвистические работы недалекого прошлого, вышедшие из школы первоклассных филологов, касались вопросов, казалось, узко специального характера. Вопросы исторической фонетики и морфологии языков живых или умерших, наблюдения над грамматикой и синтаксисом языков со-

ставляли предмет специальных занятий плеяды лингвистов. Создавались школы, выработались лингвистические традиции в тех или других научных центрах (Москва, Петербург, Берлин, Париж, Львов, Краков и пр.). Изучение языков в их историческом развитии уже давало основание говорить о единстве происхождения языков романских, германских, славянских, что в свою очередь позволяло поставить на фоне данного языка и вопросы общенационально-культурные, ответ на которые имеет громадной важности историко-культурное значение, ибо язык отражает в себе непосредственно культурные связи и отношения, создавшиеся между народами, как близкими по общему характеру языка, так и сравнительно отдаленными по фонетическому и морфологическому составу языка. Знаменитый ученый лингвист О. Шрадер сделал первый опыт на основании сравнительно-исторического изучения отдельных языков установить прародину индоевропейских и дать общий абрис культуры этой прародины. И это движение стало быстро развиваться. Для понимания прошлого народа в ту эпоху, от которой не сохранилось или не могло остаться никаких памятников, необходимы не только материалы археологического характера, но также и данные языка, как ключ к пониманию культуры весьма отдаленного прошлого. Такие крупные ученые исследователи, как московский ученый М. К. Любавский и украинские ученые М. С. Грушевский и Д. И. Багалей, обратили вслед за Шрадером особенное внимание на данные языка для реконструкции первоначального быта славян в эпоху совместной жизни. Академик Шахматов по данным языка дает увлекательное изображение проблемы образования трех главных национальностей на территории Восточной Европы: великорусской, украинской и белорусской, а также дает общий очерк происхождения русского государства. Немецкий ученый Пейскер в своей старой работе «Die ältere Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen» (1902) и в новой работе «Kado byli nasi predkowie a e isme ponich w sobe zdililo» (1921) путем наблюдений над характером заимствований в славянском языке стремится доказать несамостоятельность и зависимость славянской культуры от германцев и тюрко-татар. Эта зависимость оказала отрицательное влияние на основные черты национального характера славян, как, например: отсутствие патриотизма, приниженность личности, зависть, враждебность ко

всему чужому, неспособность к организации и управлению. Работы Пейскера, встретив всеобщее сочувствие в англо-саксонском мире, вызвали обстоятельные разборы со стороны Грушевского, чешского академика Нидерле, известного своими трудами по изучению старого славянства (*Zivot starych slowianu*), которые наглядно показали преждевременность и скороспелость выводов Пейскера на основании лингвистических наблюдений. Пусть Пейскер и ошибается, и даже очень, но важна принципиальная общесоциологическая постановка определенной проблемы.

В эпоху войны и в новейший период язык как фактор социологический и национально-культурный стал предметом всеобщего внимания и наблюдения. Когда Генепп пишет свою работу (*Trailé comparatif des nationalitiés*) т. I. (1922), то язык кладется в основу его исследования. Польский ученый Е. Маевский в своей работе «*Teoyna człowieka i cywilizacji*» W. (1922) считает, что «язык является первоосновой в творчестве органического целого, без которого не может быть начатков культурного развития». Мысль совершенно верная. Недаром чехословаки в Австрии, поляки в Пруссии и России, белорусы и украинцы в России вели в свое время ожесточенную борьбу за язык, видя в нем источник своего культурного возрождения, а также и политического состояния.

II

Язык народа в прошлом — показатель его культурного бытия. В средние века, при господстве феодально-рыцарских отношений, языком культуры и науки был язык латинский, официальный язык церкви, и тем самым наглядно отражавший то влияние, какое имела церковь в культурном отношении в это время. Язык народа, мало развитой, бедный словами, оставался языком только приниженных классов. Городское экономическое возрождение во второй половине средних веков, создавая новый общественный класс — буржуазию, творило новую культуру, и творцом последней был местный язык, язык народа, получивший сначала увековечение в несравненном по красоте и силе творчестве Данте. Правда, в эпоху Возрождения классический литературный язык отчасти был языком городской интеллигенции как внешний показатель ее образованности, однако язык народа уже занял прочно свое место как язык национальной культуры, как

внешний показатель духовной силы и мощности народа. Пробуждение буржуазии состоялось, и с этого момента язык командующего класса становится языком литературы, философии, науки. Различие народов по языкам привело к расчленению народов по культуре. Романские народы, жившие совсем в иной культурно-географической среде, или англо-саксы, или немцы, создали иную культуру по сравнению с англо-саксонской или немецкой культурами. Равным образом то же можно сказать о разнице в культурах западного, южного и восточного славянства. Неблагоприятные политико-культурные отношения неоднократно служили причиной, способствовавшей остановке в развитии языка и, следовательно, в развитии культуры. Политико-культурное преобладание французского севера задержало рост и развитие провансальского языка и культуры. Политико-экономическая зависимость Чехии от Германии сделали немецкий язык языком литературы и светскости. Чешский язык остался языком некультурного крестьянства. Преобладание в Галиции польского крупного землевладения, на Украине — польского, в Белоруссии — российско-польского, при наличии крепостных отношений, ставило язык народа в униженное положение. Говорить на языке народа считалось неприличным, как внешним показателем некультурности говорящего. Российское дворянство гораздо лучше выражало свои мысли на французском, чем на родном народу языке. Национально-культурные освобождения в XIX в. дали толчок к борьбе за язык, за его развитие как символ национально-культурной жизни и политического бытия. Национальный язык завоевал себе прочное место в Западной Европе. Иначе дело обстояло в России, где российская царская бюрократия во имя «единства России» ставила всевозможные препятствия в развитии национальных языков, превосходно понимая, что вслед за национально-культурным движением начнется и политическое, что в конечном должно будет совершенно изменить политическую структуру Российской империи. Борьба за язык была труднее всего в России. Российская дворянская интеллигенция, впитавшая в себя элементы белорусской и украинской дворянской массы, признавала языком культуры только язык русский. Язык белорусский и украинский были только языками «глупого и дикого хлопа». Российская наука, проникнутая централистическими стремлениями, стремилась лингвистически и

исторически объяснить и оправдать централистическую политику российского правительства и тем самым противодействовала развитию языков основных национальных меньшинств, одновременно задерживая и их национально-культурное развитие. Российские обыватели, шедшие в хвосте командующего класса, повторяли чужие слова и пели гимн во славу единого русского языка открыто выражая свое презрение к другим народным языкам. Это было в эпоху, когда городская культура, городское экономическое движение задавали тон в политико-экономической и национально-культурной жизни в царской России.

III

Наше время — эпоха примечательных катастроф, политического и экономического упадка одних и возрождения других. Кончилась диктатура французского языка в международных отношениях. Дипломатические документы Версальского и иных конгрессов печатаются на французском и английском языках. Протесты французской академии и французских ученых не оказали никакого влияния. Усиление политического влияния англо-саксонского мира и экономическая зависимость от последнего Франции положили конец диктатуре французского языка, который из мирового становится языком областным, местным, ограниченным географическими пределами только одной страны. Давнишняя борьба Англии и Ирландии окончилась победой последней, и ею положен прочный фундамент для ирландского национально-политического развития. В маленькой Бельгии враждуют валлонцы и фламандцы. Последние ведут борьбу в защиту своего языка и своей культуры. В самой Франции развивается старинный культурный провансальский сепаратизм. Трехязычная Швейцария культурно тяготеет к одноязычным народам, принимает живейшее участие в их духовной жизни, в их политических победах и поражениях. В ново-созданной Юго-Славии сербо-хорваты, единые по происхождению, но разные по развитию языка и материально-духовной культуры тяготеют совместным сожительством и рвутся из политических цепей, наложенных на них Белградским правительством. Чехи, так много потерявшие от немцев в борьбе за свой язык, продол-

жают ту же политику по отношению к славянам, содействуя тем самым их национально-культурному сепаратизму. Новосозданное польское государство, как одно из последствий падения царизма и немецкого империализма, много потерпевшее гонений за язык в борьбе за национально-культурное самоопределение, во имя призрачно фантастического единства государства, ведет по отношению к национальным меньшинствам политику старого царизма. Загоняя в подполье национальные меньшинства, польские власти, однако, лишены возможности, при наличии ряда иных политико-культурных факторов, ослабить или парализовать эту напряженную постоянную борьбу за язык. Февральская революция 1917 г. положила конец царизму формальным внешним образом. Октябрьская революция порвала всякую духовную связь со старым миром и стала на путь иной политики, что особенно нашло яркое отражение в национальной политике путем провозглашения принципа национально-культурного и политического самоопределения народностей, живших на территории б. России. Дворянская интеллигенция закончила свой круг политического и культурного бытия. Она сошла со своей исторической сцены, а вместе с ней и ушла в область истории и политика, проводимая ею и оправдываемая всеми светилами русской исторической науки. Для национальных меньшинств наступил новый момент в их национально-культурном и политическом бытии. Для развития языка и национальной культуры открывались новые широкие горизонты и перспективы.

IV

Язык народа развивается и обогащается в процессе национально-культурного развития талантами и дарованиями интеллигенции как духовных представителей тех или иных общественных групп и классов. Наличие большого количества духовных вождей является фундаментом для развития и обогащения языка. Данте, положивший начало литературному итальянскому языку, имел продолжателей в лице гениальных Петрарки и Боккаччо, не говоря о целой плеяде больших и малых литературных и политических деятелей. Английский язык получил полное свое выявление, обнаружил скрытые в себе богатства формы и слова в эпоху английского экономиче-

ского и национально-культурного возрождения. Шекспир и его предшественники — вот создатели английского литературного языка, который, конечно, в значительной степени был чужд пониманию среднего англичанина. Немецкий гуманизм и реформация были основоположниками немецкого литературного языка. Лютер с его переводом Библии на немецкий язык оказал огромное влияние на дальнейшее развитие литературной немецкой речи, богатство которой получило полное выявление в эпоху «бури и натиска» в поэтическом и прозаическом творчестве плеяды немецких писателей, философов и ученых. И французский язык показал свою звучность и красоту также в эпоху Возрождения. Маргарита Наваррская, Рабле, Монтень — духовные вожди пробуждавшейся буржуазии, были создателями литературного французского языка. Идти вслед за ними по проторенной дороге другим литературным и философским деятелям было уже довольно легко. Буржуазной интеллигенции надо отнестись громадную роль в создании литературного языка. Университеты служили также школой для выработки научного языка, научной терминологии, и через среднюю школу язык литературный проникал в народную массу, которая усваивала его без всякого труда, по мере расширения ее умственных горизонтов. Язык стал источником развития национально-культурной жизни того или другого народа. Не все народы выступают в одно время на историческую авансцену. Одни раньше, другие позже. Одни уже достигли значительного культурного развития и достаточно обогатили свой язык, другие только выступают на историческую авансцену. Соприкосновение и общение с более культурными народами и соседями оказывают мощное влияние на развитие языка, оставляя в нем и следы значительных заимствований. Эти заимствования особенно значительны, когда соседство других народов скрепляется политической связанностью одного народа с другим. Так, средневековые сербы и болгары должны были заимствовать юридическую терминологию из Византии. Политическая зависимость болгар и сербов от турок была причиной появления в болгарском и сербском языках турецких слов. Англия испытала на себе сильное влияние Франции, вводя в свой лексикон множество слов французского происхождения. Поляки и чехи, еще со средних веков, живя вместе с немцами, заимствовали из немецкого языка множество слов и ввели их в обиход.

Немцы в эпоху наибольшего влияния французского языка ввели в обиход немало французских слов, ставших родными и близкими немецкому народу. Эти позаимствования делались сами собой, как результат взаимного культурного влияния и общения. Аналогичные явления можно отметить и в языках других народов. Благодаря обилию иностранной примеси язык нации потерял свою первоначальную сущность. Поэтому по мере пробуждения в народах национального чувства сторонники чистоты принялись за его чистку, заменяя иностранные слова терминами собственного творчества, иногда совершенно ненужными и притом подчас крайне искусственными. Инициаторами этого очищения языка были немцы, в своем националистическом ослеплении дошедшие до утверждения, что «немецкий язык — показатель превосходства немцев над другими народами». За немцами пошли чехи, старательно освободившие свой язык от всего немецкого, причем иногда это освобождение и словотворчество принимали смешной характер, так как ряд новых терминов, созданных чешскими лингвистами, можно было и не создавать, поскольку эти термины уже вошли в интернациональный оборот. О необходимости чистки языка, как результате подъема волны национальной, говорят поляки, сербы. И несомненно, это движение сильное и отчасти здоровое, поскольку очищение языка от иностранных элементов дает возможность проникнуть в источники своего родного языка и в них найти материал для терминологического творчества. Разумеется, и этому вполне законному и целесообразному увлечению есть свои пределы, свои границы, переходить за которые было бы наивно и смешно.

Язык народа развивается и консолидируется в процессе экономической и политической консолидации. Чем позже происходит такая консолидация, чем неблагоприятнее условия для такой консолидации, тем медленнее развивается язык, тем беднее кажется он со стороны тем, кто привык к языку уже политически консолидированных народов. Это необходимо иметь в виду, когда мы говорим о богатстве и бедности языка, красивости и некрасивости, нужности или ненужности сравнительно позднего развития языка. Так, в Италии вплоть до половины XIX в. не выработалось единого литературного языка. Писатели пишут на местных наречиях (венетском, римском). Только после политической консолидации Ита-

лии создается единый литературный язык. Раздробленность Германии на множество политических единиц служила мощным препятствием к развитию единого литературного языка. Политическая и экономическая консолидация Франции дала приоритет северному французскому наречию, придав ему характер литературного языка. Для развития языка политическая консолидация имеет громадное значение. В министерствах, канцеляриях, судах происходит постоянное словотворчество. С этой стороны законодательные акты, делопроизводство судебных и административных учреждений имеют громадное значение для развития языка. Те народы, которые жили недолго собственной политической жизнью, благодаря чему делопроизводство на национальном языке не могло получить большого развития, находятся в отношении развития языка в менее благоприятных условиях по сравнению с теми, кто имел собственное национальное делопроизводство. Разумеется, о самостоятельном делопроизводстве приходится говорить только в эпоху консолидации государства. Франция в эпоху перехода к абсолютизму и его роста, Англия в эпоху своей политической консолидации, публикуя государственные акты на родном языке и ведя на нем же все делопроизводство, всемерно содействовали творчеству языка. Королевские писцы такие же создатели языка, как писатели, ученые и представители иных либеральных профессий. Совсем в ином положении находилась Чехия, где с начала XVII в. вводится в делопроизводство немецкий язык, и Польша, где преобладание в делопроизводстве латинского языка и латинской терминологии в значительной степени мешало и задерживало развитие языка. В правительственной канцелярии, в зале суда происходило незаметно, но постоянно творчество языка. С этой стороны римское право и латинский язык оказали отрицательное влияние на развитие родного языка.

V

Язык белорусский является совершенно неизученным в своем историческом развитии. Это в полном смысле слова новый язык, изучение которого для лингвистов открывает значительные перспективы и горизонты. По белорусской лингвистической ниве еще не проходил плуг, еще не проводились свежие борозды. Эта неизученность

языка имеет свои историко-культурные и политические основания. Российские лингвисты все свое внимание обратили на изучение исторической фонетики и морфологии русского языка, совершенно оставляя без внимания украинский и белорусский языки, которые они рассматривали как только наречия. Всякая иная постановка вопроса вызывала со стороны российских ученых резко враждебное к себе отношение. В этом смысле акад. Соболевский занимал особенно враждебное отношение, отрицательно относясь даже к скромным попыткам подойти с иной стороны к анализу и оценке взаимоотношений русского, белорусского и украинского языков. Для изучения украинского языка все же были более благоприятные условия, чем для белорусского. При наличии украинского Львова и Киева, где с 1908 года стали издаваться украинские научные и литературные журналы, изучение украинского языка хотя и медленно, но все же двигалось вперед. Совсем по-иному обстояло дело с белорусским языком. Отсутствие высшей школы на территории Белоруссии, разброд белорусской интеллигенции, отсутствие единого для Белоруссии культурного центра самым губительным образом влияли на развитие белорусской культуры вообще и, в частности, на историческое изучение белорусского языка. При открывшейся в настоящее время возможности научного подхода к белорусскому языку следует констатировать небольшое количество лиц, занимающихся этим предметом. В этом отношении ценны труды б. доцента Петербургского университета Тарашкевича и Московского профессора Расторгуева. Несомненно, в дальнейшем при развитии ученых учреждений в Белоруссии (университета и Научно-исследовательского института) будет создана целая новая школа филологов белорусов, и тогда все эти зияющие пробелы окажутся восполненными в той или другой степени. Заслуживает внимания попытка А. Биха, бреславского ученого, подойти к изучению белорусского языка. Если признать, что немецкий ученый не имел никаких предшественников в этой области и что ему как немцу было крайне трудно разбираться во всех звуковых оттенках белорусского языка, все же следует признать очень удачной предпринятую им попытку.

В то время как европейские ученые, в особенности французы, с большим успехом работают в области славянских языков вообще, о белорусском языке пока никто

не знает и нигде не упоминает, так как нет той научной литературы, которая давала бы основание для такого упоминания. Впрочем, в настоящее время и перед белорусским языком открывается широкая возможность войти в семью славянских языков. Новый чешский журнал «Slavia», заменивший заслуженный «Archive für slavische philologie», открывает свои страницы для статей, заметок и информации на всех славянских языках по вопросам, касающимся славянской филологии и культуры. И белорусская исследовательская научная мысль должна использовать открывающиеся перед ней возможности, так как в противном случае для европейской ученой мысли белорусский язык как национально-культурный фактор останется совершенно неведомым явлением. Необходимо вести борьбу за язык и культуру на многих фронтах. В этом отношении положение Белоруссии очень остро. Разделенная территориально на три части, располагая небольшим количеством ученых сил и незначительными материальными средствами, Белоруссия отделена от других славянских стран Польшей, которая в силу своих определенных политических тенденций не может и не хочет считаться с белорусским языком как фактором национально-культурным. Российская революция, открыв возможность широкого национального культурного самоопределения для всех народов, входящих в состав Союза Республик, дала толчок российской науке для пересмотра созданных предшествовавшей эпохой научных взглядов. С этой стороны белорусский язык теперь рассматривается как отдельный язык, равноправный по своей структуре и характеру с другими славянскими языками, но, к сожалению, небольшое количество российских ученых исключительно занято научным изучением этого языка. Изолированность Белоруссии, конечно, временная. Но необходимо и теперь знакомить европейские и славянские ученые миры с достижениями в области белорусского языка и культуры как путем соответствующих статей в европейских журналах, так и публикациями самостоятельного характера. Публикационная деятельность должна получить особое развитие. Публикация — фактор первостепенной важности в борьбе за язык и культуру. Отсутствие какой бы то ни было агрессивности в белорусском национально-культурном движении дает полную возможность ко многим фактам и явлениям культурного характера отнестись не несколько спокойнее,

чем это делают соседи белорусов — поляки. Язык белорусский — давнишнего происхождения. Он вырос из общеславянского языка восточного славянства. Дифференциация восточного славянства по нациям и языкам совершалась весьма медленно вследствие замедленности темпа исторической жизни. Так называемая древнерусская письменность была источником для дальнейшего развития белорусского и украинского языков. Образование четырех культурно-политических центров с Киевом, Полоцком, Смоленском и Владимиром во главе — еще до татарского нашествия — служило мощным толчком для национальной консолидации и для дальнейшей дифференциации общерусского книжного языка. Вхождение Приднепровья и Придвинья в состав политической формации, так называемого «литовско-белорусского государства», открывало широкие перспективы для развития языка и национально-культурного творчества. К сожалению, дальнейшие политические судьбы Белоруссии были неблагоприятны для ее национальной культуры. Но живой белорусский язык, сохранный в чистоте и неприкосновенности — и от полонизации, и от русификации — оставался как национально-культурный фактор наглядным показателем наличия особенности белорусов от соседей — поляков и великороссов. Натиск польской культуры увлек на сторону последней командующий класс. Последний усвоил польско-латинский язык как более культурный и развитый. К языку крестьянства и мещанства белорусские знатные культуртрегеры относились совершенно враждебно, и к социальным противоречиям между командующим классом и рабочим населением присоединяется еще разница в языке. Одни считали себя польскими шляхтичами, другие считали себя белорусскими, по терминологии тогдашних памятников «русскими» и были живыми хранителями белорусского языка как национально-культурного фактора, как символа белорусской культуры.

VI

Язык народа — мощный двигатель его национально-культурной жизни, отражение его духовного бытия. Белорусский язык, дифференцировавшись из основ восточного общеславянского языка, развивался в своих основах по мере развития экономической и политической жизни

народа. Уже в первый период развития белорусского языка, период отсутствия резкой дифференциации между отдельными национально-политическими центрами восточной Европы, белорусская старая письменность, возникшая в культурных центрах Белоруссии — Смоленске, Турове и Полоцке, служит ярким отражением интенсивной работы мысли тогдашней дружинно-боярской интеллигенции, является показателем ее культурного бытия. В этом отношении Кирилл Туровский и Климент Смолятич могут считаться представителями того общенационально-культурного движения, которое охватило белорусские культурно-политические центры. Это национально-культурное движение, отражая в себе византийские и западноевропейские мотивы, в то же время носило оригинальный, национальный характер. Если Кирилл Туровский и Климент Смолятич могут считаться представителями духовной среды, вышедшей из среды дружинного боярства, то неизвестный автор замечательного «Слова о полку Игореве» является отражателем светского общества, его образованности и его настроений. Поэтически образный, художественно яркий язык «Слова о полку Игореве» свидетельствует о гибкости и богатстве белорусского языка и его первичной основе. Только благодаря своей большой культуре Белоруссия могла культурно поглотить Литву, только благодаря своей значительной развитости белорусский язык мог стать языком государственным в новых условиях жизни белорусского народа. Для белорусского языка и белорусской культуры было крайне благоприятно слабое распространение католицизма и латинского языка, который поэтому не мог служить существенным препятствием к развитию белорусского языка. Последний в эпоху расцвета литовско-белорусского государства достигает полноты в своем развитии. Государская канцелярия, представители суда и администрации являются творцами языка. Литовская Метрика, белорусская в своей основе, содержит в себе громадный совершенно не изученный материал для истории белорусского языка, в частности для юридической и административной терминологии, которая в своей новой конструкции должна непременно отправляться от старой традиции. Даже тогда, когда в XVII в. белорусский язык перестал быть языком делопроизводства и управления и был заменен польским, все же не перестал существовать, а стал проникать и в польскую речь, придавая последней

своеобразный белорусско-польский характер. Литовская Метрика и памятники права — Судебник Казимира и все три литовские Статута — являясь памятниками творчества белорусского языка, отражают в себе основы той шляхетской культуры, которая развивалась и укреплялась в новых условиях социального и политического бытия белорусского народа. Сама замена делопроизводства белорусского языка польским — яркий показатель того, что полонизация белорусской шляхты достигла уже значительного развития, оторвав последнюю от духовных основ национального бытия — родного языка и связанной с ним культуры. Литовско-Белорусские летописи, в особенности так называемая летопись Быховца, являются замечательными историческими документами, характеризующими белорусскую культуру, силу, красоту и разнообразие белорусского языка. С полонизацией белорусской шляхты белорусский язык не прекратил своего развития, как не прекратила своего дальнейшего бытия и белорусская культура, с той лишь разницей, что продолжателями развития как белорусского языка, так и белорусской культуры явились иные общественные группы. Центр национально-политической и культурной жизни переносится в города. Основоположниками новой культуры и борцами за национально-культурное самоопределение белорусского народа являются жители городов, мещане, новая общественная группа, до сих пор остававшаяся в тени и как будто бы не принимавшая участия в творчестве белорусского языка и развитии национальной белорусской культуры. Как и в Западной Европе, выразителем национально-культурных идеалов явилось мещанство, буржуазия. Значение белорусского города в истории развития белорусской культуры весьма значительно, хотя настоящая первостепенной важности проблема ждет своего исследователя. Следует признать ее очередной задачей белорусской национальной науки. Белорусская буржуазия в наиболее значительных городах получила самоуправление в виде так называемого магдебургского права. Главные торговые центры пользовались широкими привилегиями в области внешней и внутренней торговли. Являясь посредником между Западом и Белоруссией, белорусская буржуазия содействовала как расцвету самих городов, так и подъему белорусского народного хозяйства вообще. Но постепенное политическое и экономическое усиление шляхты, с распростране-

нием на последнюю после унии 1569 г. экономических и политических преимуществ польской шляхты, нанесло белорусской буржуазии удар такой силы, что этим самым сразу было подрвано экономическое благосостояние города и вместе с тем и основа городской культуры. Магдебургское право давало городу самоуправление. Магдебургские памятники должны были стать основами права, чуждыми для белорусской буржуазии. На деле было далеко не так. Иностранное право не убило местного городского обычного права. На почве смешения юридических институтов магдебургского права с местными юридическими обычаями совершалось великое дело национального правотворчества, еще совершенно не изученное, и этим самым белорусская буржуазия вносила много свежего в белорусскую национальную культуру. Она творила белорусскую юридическую терминологию, она выработала язык судебного делопроизводства. С другой стороны, экономическое возрождение городов Белоруссии и постоянное культурное общение с соседней З. Европой было великим источником духовного роста буржуазии. В белорусских городах создается буржуазная интеллигенция, которая широко пользуется печатным станком для распространения своих идей. Белорусская буржуазная интеллигенция охвачена большой любовью к своему языку. Она хочет дать народу письменность на родном языке, сделать доступными и понятными последнему книги Ветхого и Нового Завета. Фр. Скорина и его последователи начали в Белоруссии работу, предпринятую Данте и итальянскими гуманистами, поставили себе задачей через распространение книг на белорусском языке поднять культурно-национальное состояние народной массы. И чем шляхта все скорее и скорее уходила от народа, усиливая чуждую ей культуру, тем интенсивнее была деятельность буржуазии, проникнутая желанием сохранить основы белорусской культуры от польского культурного натиска. В этом отношении борьба против унии, положившая во главу угла деятельности буржуазии, особенно примечательна. Борьба против унии способствовала появлению соответствующей письменности. Это была попытка сохранить белорусский язык от забвения как фактор национально-культурный. И следует признать, что эта попытка буржуазии достигла своей цели. Чем сильнее белорусская шляхта втягивалась в польские национально-политические и культурные отношения, тем

националистичнее и ортодоксальнее в своих суждениях становилось мешаиство.

Экономически подавленный город не выдержал натиска польской культуры. Духовная жизнь белорусского города постепенно приходила в упадок. Не было в городах продолжателей дела великих возрожденцев XVI в. И только памятники городского права свидетельствуют в настоящее время о живучести культурной традиции, о силе и значительности белорусского языка, как отражения белорусской национальной культуры. Полонизация шляхты и экономический упадок буржуазии имели глубоко отрицательное влияние на белорусскую национальную культуру. Она переживала эпоху величайшего упадка. О белорусской культуре не приходилось говорить в XVIII в. и первой половине XIX в. Преобладающий характер культуры был польский. И только социально и экономически закабаленная крестьянская масса и вышедшие из ее среды униатское и отчасти православное духовенство, терпеливо выносившие натиск шляхетско-польской культуры, сохранили белорусский язык как живую традицию белорусского национально-культурного бытия, как постоянное напоминание всем новым культуртрегерам о бытии белорусского народа и о грядущем его национально-культурном возрождении.

VII

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи было для белорусского национального бытия таким же отрицательным фактором, как и политическая связанность Белоруссии с территорией Речи Посполитой. При наличии и сильном давлении польской шляхетской культуры, что особенно тяжело отражалось на духовном укладе белорусов, Российское правительство осуществляло свою политику инкорпорации Белоруссии в состав Российской империи. Для белорусского национально-культурного дела эта политика была еще опаснее, чем шляхетско-польская культура. Если замена польского землевладения российским не имела никакого влияния на белорусскую культуру, так как вновь обьязавшиеся землевладельцы приобщались к польской культуре, то правительственная борьба против уни и насильственное водворение православия было фактором, нанесшим гро-

мадный ущерб белорусскому языку и национальной культуре. Как ни относиться к униатской церкви, последняя была церковью хлопства, была живым отражением жизненности белорусского языка. Употребление белорусского языка в церковной проповеди, молитвенники и песнопения на белорусском языке являлись внешним отражением живучести и жизнениности белорусского языка. Белорусские парокхиальные школы, преследуя конфессиональные цели, в то же время поддерживали в народной массе грамотность. Попытка организации разного типа духовных школ на белорусском языке свидетельствовала о том, как высоко смотрело на себя униатское духовенство в вопросах духовного просвещения. Насильственное воссоединение церковей все убило. Церковные обряды, местная старина — все, что являлось памятником глубокой старины и народного творчества — заменялись новыми, московского типа, чуждыми и совершенно непонятными народу. Новое духовенство забыло о проповеди на белорусском языке. Последний был бы предоставлен самому себе, если бы тайные униатские приходы не поддерживали и не оберегали белорусский язык, как символ принадлежности униата к белорусской нации, как щит против натиска воинствующей православной церкви, которую правительство и администрация поддерживали всеми имевшимися в их распоряжении средствами. Но правительственная церковная политика не уничтожила униатской церкви, и белорусский язык как национально-культурный фактор оказался живучим. Более опасным для белорусской культуры была административная политика правительства, неуклонное стремление покончить со всеми особенностями местного права, местного суда и учреждений. Эта напряженная русификаторская политика привела к уничтожению внешним образом всех тех особенностей в характере и строе Белоруссии, которые особенно бросались в глаза со стороны. Внешним, чисто формальным образом Белоруссия вошла в более тесную административную связь с Великороссией, но все попытки, все устремления напряженной русификаторской политики по существу привели к полному крушению. Белорусский край в бытовом и лингвистическом отношении оставался чем-то особенным по сравнению с великорусским народом. И хранителем белорусской национальной традиции, носителем живого белорусского языка как национально-культурного фактора явился белорусский кре-

стьянин, которого невзгоды социально-политического характера заставляли крепко держаться за старину, за быт, за язык. И белорусское устное творчество, являясь отражением устремлений народной мысли,— живой показателем живучести и красочности белорусского языка, как подлинного выразителя национально-этнографической особенности белоруса. Деревня спасла белорусскую культуру и от ополячения, и от русификации. Белорусский крестьянин один сохранил традиции и воспоминания национальной старины. Белорусский крестьянин шел по пути белорусской шляхты, ушедшей впоследствии от народа, и занял место мещанства, которое в XVI—XVII вв. вело такую напряженную борьбу за язык.

Белорусское национально-культурное движение, естественно, пошло из деревни, и выразителями его устремлений и настроений явились лица, вышедшие из народа, тесно с ним связанные, представители подлинной народной интеллигенции. Они вынесли белорусское национальное движение за пределы деревни. Они познакомили общество с настроением новой деревенской интеллигенции. Они познакомили общество с новыми настроениями и чаяниями белорусского народа. В этом заключается колоссальная заслуга первых проповедников и апологетов белорусского национального культурного движения и Возрождения. Проповедники новых идеалов, новой жизни сделали большое, великое национально-культурное дело. Они дали образцы красочности, звучности, богатства и разнообразия белорусского языка. Они, исходя из истоков народного творчества, продолжали национальную традицию — непрерывности живого творчества языка, в сознании громадного значения последнего как национально-культурного фактора. Но белорусское национально-культурное движение мало касалось города. Белорусские города потеряли свой белорусский характер. В городах было немало польского, еврейского и русского населения. Городская интеллигенция была либо польской, либо русской. Воспитанная в традициях, чуждых белорусской культуре, городская интеллигенция не только не хотела принять это стремление к национально-культурному возрождению, но отнеслась с обыкновенным недружелюбием, смотря на это движение, как на что-то искусственное, ненужное в условиях современной культуры. Со своей точки зрения, представители польской и русской интеллигенции

были правы. Воспитанные в иных культурных традициях, не имеющие никаких даже отдаленных национально-культурных связей с деревней, проникнутые либо все полячеством, либо панрусизмом — они забыли лишь об одном, что белорусский народ жив, живет и развивается язык народно-национального самосознания. Воспитание, традиции страны, классовое превосходство создало из городской интеллигенции воинствующих противников белорусского национально-культурного движения, которое подвергалось всяким нападкам со стороны посетителей идеалов более высокой культуры, которые в то же время были совершенно чужды и непонятны белорусскому народу. Отрицательное отношение польской городской интеллигенции к белорусскому национальному культурному движению и, в частности, языку лишь свидетельствовало о живучести в ней классовых помещичьих инстинктов, проникнутых презрением к белорусскому холопу. Российские интеллигенты, и к ним надо присоединить и всех учеников российских высших школ, повторяли правительственно-школьную традицию о единстве русского народа, о величии русской культуры в лице русской литературы, забывая, что все русские писатели, вышедшие из среды помещичье-дворянского класса, как бы ни были гениальны по своему творчеству, были чужды и непонятны белорусской массе, пуждавшейся прежде всего в образовании и в школе на своем родном языке. Путь белорусских интеллигентов был покрыт терниями. Они были предоставлены самим себе. Город их не принимал. В деревню не пускала администрация. И только падение царизма, Великая Октябрьская революция открыли перед белорусским языком широкие перспективы и возможности, незаметно вводя в круг белорусского движения и город, так как деревня, посылая своих детей в город для обучения, тем самым давала основные социальные кадры для возникновения и оформления новой городской интеллигенции, проникнутой идеалами Октябрьской революции, ибо только последняя открыла возможность широкого развития и распространения белорусской культуры. Новый момент в истории белорусской культуры, момент знаменательный. Противники национального культурного движения и социально, и политически разбиты. Их оппозиция не страшна, и сами они незаметно будут втянуты в общую национально-культурную работу. Но зато большая ответственность лежит на белорусской

интеллигенции, которой теперь приходится раз и навсегда отказаться от жалоб и приступить к живому, упорному, непрерывному творчеству, что культуры развиваются и укрепляются коллективными усилиями всего народа.

VIII

Вопрос об основах белорусской культуры очень сложен и требует внимательного к себе отношения. Никакой белорусской культуры нет — говорят и пишут польские националисты и русские культуртреггеры. Есть налицо польская культура да искусственно насаждаемая русская культура чиновников, торжественно заявляют представителям польского общественного мнения. Никаких нет белорусов, нет и белорусского языка, есть только один русский народ с его единым языком и отдельными его наречиями. Поэтому о какой бы то ни было белорусской культуре и речи быть не может. Существует одна только единая русская культура. Всякие разговоры о белорусской культуре — плод недоразумения или наличие полонофильствующих симпатий в среде белорусской интеллигенции — говорят сторонники единой национально-культурной централизации. Сторонники сепаратизма и разделения России создали с национальной целью и белорусский язык, искусственный в своей структуре, и белорусское национально-культурное движение, которое ни где не находит сторонников, за исключением небольшой кучки полубразованных интеллигентов — так говорят идейные представители политического и культурно-национального единства русского народа. Сами по себе эти суждения наивны и малодоказательны, свидетельствующие лишь о классовой гегемонии и пишущих и говорящих, да еще о полном незнакомстве всех так говорящих и пишущих с основами трактуемого ими вопроса. Это незнакомство иногда переходит в поразительное, да еще притом тенденциозное невежество, указывающее, что у противников белорусского национально-культурного движения не явилось даже желания несколько глубже подойти к тому движению, которое вызывает с их стороны и удивление, и негодование, что в то же время служит лишь отражением их глубокого недомыслия. Противники белорусского языка и национально-культурного возрож-

дения белорусского народа приводят в качестве одного наиболее убедительного аргумента то соображение, что Белоруссия никогда не жила жизнью самостоятельного политического организма. Она всегда находилась в орбите политического влияния другого государства, и при отсутствии политической суверенности, разумеется, и речи быть не может о какой бы то ни было самостоятельной культуре. Поскольку Белоруссия была в сфере влияния либо Польши, либо России, и культура Белоруссии имела соответствующие оттенки. Приведенные соображения недостаточно убедительны и поражают как своей односторонностью, так и непониманием самого существа дела. Вопрос о наличии государственного суверенитета или отсутствия последнего не имеет никакого значения для развития национальной культуры. Последняя может лишь встречать на своем пути те или другие препятствия, что замедляет только лишь самый процесс развития как самого языка, так и культуры. Белорусский язык мог развиваться в эпоху культурного подчинения Литвы белорусской культуре и, наоборот, остановиться в своем развитии при наличии польского или русского политического влияния. Язык как основа национальной культуры встретил на пути своего развития бесконечное количество препятствий, что в свою очередь задерживало и самый процесс развития белорусской культуры, но не уничтожило ни языка, ни самой культуры. Наличие как польской, так и русской культуры, в Белоруссии, конечно, отрицать нельзя. Это ведь исторические факты. Но они нуждаются в толковании и объяснении. Польская культура была культурой только шляхты, класса землевладельцев. Она по своему характеру была чужда крестьянской массе, которая при наличии социально-экономической крепости, естественно, относилась совершенно отрицательно ко всему польскому. Равным образом и городская русская культура была чужда народной массе. Последняя на протяжении всего своего исторического бытия являлась живым хранителем белорусского языка, как символа белорусской культуры. Октябрьская революция изменила радикальным образом политическое положение Белоруссии. Белорусский язык и белорусская культура отныне уже не встречают каких бы то ни было препятствий на пути своего развития. На арену новой исторической жизни вышла крестьянская масса, сохранившая в неприкосновенности белорусский язык при всех неблагоприятных ус-

ловиях для его развития, а вместе с этим и самый процесс развития белорусской культуры уже не встречает тех политических и культурных препятствий, которые в прошлом белорусского народа имели такое отрицательное влияние на его культуру.

Белорусский народ в течение XVII—XX вв. находился в сфере политического влияния Польши и России, причем польская культура имела особенное распространение в западной части Белоруссии, а российская культура в восточной ее половине. Поэтому в западных белорусских говорах имеются налицо следы польского влияния, тогда как восточнобелорусские говоры непосредственно примыкают и сливаются с западновеликорусскими говорами. Но эти культурные заимствования говорят лишь о культурных сношениях и заимствованиях, несколько не касаясь белорусского языка как самодовлеющего национально-культурного фактора. Ведь заимствования из чужого языка свойственны любому языку, поскольку последний соприкасается с иной культурой, с другим языком. Разумеется, эти культурные оттенки отразились на характере непосредственной речи народа, которая является живой носительницей и отражением культурных влияний и воздействий. Эти оттенки интересны для изучения белорусских народных говоров, но не характерны для структуры белорусского языка как такового. Ведь при наличии единого литературного языка в каждой стране существует бесконечное количество отдельных народных говоров, несколько не мешающих говорить о единстве народа, его культуры. Эти же соображения применимы и к белорусскому языку. Предстоящее развитие белорусской культуры самым тесным образом связано с дальнейшим безостановочным развитием белорусского языка. Для творения культуры необходимы кадры новой интеллигенции, которая явится создательницей литературного белорусского языка. Через национальную школу литературный белорусский язык явится источником духовного развития молодого поколения. Через высшую школу белорусский язык займет соответствующее место в науке и будет выразителем духовной мощи и силы белорусской культуры. Но это в будущем. Такие широкие перспективы можно ожидать только по истечении подготовительного периода, роста и накопления национальных сил и способностей.

В настоящее время для белорусской интелли-

генции, вышедшей из народа и тесно связанной с ним, наступают прозаические будни, упорная и настойчивая работа изо дня в день, ибо эпоха жалоб и указаний на то, что белорусской интеллигенции не дают простора для работы, для развития белорусской национальной культуры, к счастью, прошла. Будущее белорусской культуры в руках самого белорусского народа и его духовной интеллигенции.

Белоруссия, занимая географическое срединное положение между Востоком и Западом, Великороссией и Польшей, разумеется, будет испытывать на себе влияние соседних культур. Поскольку польская культура была и остается шляхетской, она останется по-прежнему чужой белорусскому народу. Пора оплоячения прошла. Соседняя российская культура, лишенная в настоящее время своей агрессивности, в новых условиях политического бытия Белоруссии может быть важным моментом в развитии белорусской культуры и белорусского языка. В этом отношении и российская культура не опасна для белорусской культуры. Взаимодействие, изучение друг друга может быть очень полезно для обеих культур, в особенности для белорусской культуры, для которой российская наука и литература могут стать источниками величайшего художественного и научного творчества. Равным образом белорусская культура в общении с близкой к себе по характеру украинской культурой найдет для себя материал для творчества своего собственного национального бытия. Украинскому и белорусскому народам свойственно острое чувство, подчас болезненное, национального самолюбия. Кто долго находился под воздействием другой культуры, чей язык не получил права гражданства, тот, естественно, должен быть крайне щепетилен и враждебен ко всему, идущему со стороны. Это настроение психологически понятно и не нуждается в отдельном истолковании. Но эта пора прошла. Для творчества необходимо сотрудничество. Необходимо изучение и знакомство с языком и культурой всех соседних народов, ибо только через такое сотрудничество, с широкими идеалами и перспективами, может создаваться и развиваться белорусская культура, а белорусский язык стать источником непрерывного творчества, непрерывного проявления тех сил и способностей, которые до настоящего времени были скрыты в природе белоруса и в силу неблагоприятных политических и культурных условий не

могли до последнего времени получить возможность свободного их развития и выявления.

Будущее белорусской культуры — в руках самого народа. От его настойчивости, его духовных сил и способностей зависит ее непрерывное развитие, непрерывное обогащение.

Вильдунген, 10 августа 1923 г.